

Союзники и враги Польши во Второй мировой войне: версия национальных учебников истории

О. В. Петровская*

Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь¹ — эти слова М. Ферро подтверждают необходимость тщательного анализа национальных учебников с целью выявления позитивных и негативных образов иных государств и народов, которые складываются в ходе повествования о событиях совместного прошлого и формируют современные стереотипы восприятия друг друга.

Вторая мировая война нанесла народам Европы тяжёлую психологическую травму, которая продолжает определять их нынешние взаимоотношения и образ политического мышления. В Польше — стране, традиционно заявляющей о себе как о самой большой жертве войны², — память о ней заложена в фундамент национальной идентичности и является маркёром отношения к другим жителям континента. Одним из главных каналов передачи коллективной памяти выступает реформируемая в настоящее время система исторического образования. Возраст учащихся в системе начальной и средней школы облегчает возможности манипулирования их историческим и политическим сознанием. Учебники по истории как средство проводимой целенаправленной регулируемой политики формируют не только мифы о событиях 1941–1945 гг., но также внешнеполитические предубеждения

и приоритеты современных поляков, определяющие тип их поведения по отношению к тем или иным народам.

За последние 20 лет в польских учебниках была радикально пересмотрена идеологическая концепция рассказа о войне. Вместе с тем в процессе перехода от восточноевропейской (советской) к западноевропейско-американской версии интерпретация событий продолжает носить польскоцентричный характер. Симпатии и антипатии к отдельным странам — участникам событий, которые формируют у читателей польские учебники, зависят не только от их отношения к Польше в годы войны, но и от послевоенных отношений между странами, а также современных политических реалий.

В отличие от учебной литературы 90-х гг. прошлого века, польские учебники последнего десятилетия лишены диалога и формируют однозначные стереотипы в отношении поведения народов, государств и их руководителей. При таком подходе учащимся не стоит труда распознать друзей и врагов Польши во Второй мировой войне и сформировать о них представление в соответствии с собственными моральными и национальными ценностями.

К западным союзникам Польши учебники формируют великодушное отношение, несмотря на то, что те сначала проводили политику умиротворения агрессора, а затем предали Польшу. Хотя пособия и учат тому, что уступки в ответ на шантаж и агрессию не могут обеспечить мир³, но

* **Оксана Васильевна Петровская** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований РИСИ.

по отношению к Англии и Франции они находят уважительные причины: те якобы были уверены в своём превосходстве над Гитлером и направляли его экспансию на Восток⁴. Об ответственности западных держав за развязывание войны (что утверждали учебники до начала 1990-х гг., доказывая, что переговоры с Советским союзом были лишь политической манифестацией, и именно отсутствие в них прогресса склонило Сталина к договору с Германией⁵) в современной польской школе речь уже не идёт.

Из материала польских учебников следует, что в сентябре 1939 г., объявив Германии войну, ни Лондон, ни Париж не собирались помогать Польше. Имели место только небольшие столкновения на франко-немецкой границе⁶. Вопреки обещаниям французы не выслали свои бомбардировщики на аэродромы, приготовленные поляками, а британский флот не вошёл в Балтийское море: «Вину за поражение Польши несут также Франция и Великобритания, которые не предоставили обещанной помощи»⁷. Другой автор утверждает: «Польское войско, лишённое обещанной помощи союзников, не было в состоянии противостоять нападению лучшей в то время армии мира»⁸. В то же время, как свидетельствует учебник Я. Вендла для третьего класса гимназии, ссылаясь на слова немецкого генерала А. Йодля, совместным действиям союзников Германия не смогла бы противостоять⁹. Более того, западные союзники Польши совершили стратегический просчёт — не использовали факт отсутствия на западной границе Германии в тот момент сил, способных эффективно противостоять наступлению союзников¹⁰. Но и на этот раз бездействию Чемберлена и Даладье авторы находят объяснение: опираясь на данные своих разведок, они якобы полагали, что нападение на Германию не принесёт успеха. С горечью сообщается, что о решении не нападать, принятом в Аббевиле 12 сентября, поляков не информировали.

В польских учебниках подчёркивается, что Англия и Франция негативно отнеслись к вторжению Красной армии и советско-немецкому договору от 28 сентября 1939 г. Однако и это не повлекло за собой никаких политических выводов, хотя мировая общественность возмутилась¹¹. И на этот раз поведению европейцев даётся сдержанное объяснение: Черчилль будто бы был уверен, что взаимодействие двух различных сил рано или поздно приведёт к войне между ними, тогда на востоке возникнет сильный

фронт, который будет способствовать сокрушению Третьего рейха¹². Официально Англия и Франция заявили, что союзнические обязательства по отношению к Польше касаются только Германии, а объявление войны СССР лишено смысла. Отмечается также, что Франция и Великобритания обещали военную помощь Финляндии во время агрессии СССР, но откладывали сроки начала операции с месяца на месяц¹³.

В целом из повествования вытекает, что Англия и Франция в начале сентября вступились за Польшу, но их выступление носило формальный характер, и той оставалось бороться с врагами в одиночку. Авторы польских учебников не осуждают, а скорее сожалеют о стечении обстоятельств и способе мышления политических лидеров тех лет. Их пассивная позиция даёт основания для героизации действий самой Польши, которая предстаёт перед читателем в качестве единственной силы, противостоявшей Германии, несмотря на явное её превосходство, отсутствие шансов на победу и предательство восточного соседа.

Критика действий западных союзников характерна для изложения всего периода Второй мировой войны. Так, отмечается, что их нежелание открыть второй фронт усиливало позицию Сталина¹⁴. Во время варшавского восстания 1944 г. англичане обвиняли поляков в упрямстве и отсутствии политического реализма¹⁵. Особенно не приветствуется позиция Великобритании и США в решении польского вопроса в годы войны. Наиболее критически высказывается по этому поводу польско-немецкий учебник, авторы которого указывают, что Польша не получила никакой поддержки от англичан в определении западной границы, в катынском споре, арестах солдат Армии Краёвой и других вопросах противостояния эмигрантского правительства и СССР. Подчёркивается, что «такой великодержавный подход к интересам слабых союзников антигитлеровской коалиции, особенно Польши, проявился в полной мере на Тегеранской конференции». А Ялтинскую конференцию многие поляки сочли предательством бывших союзников¹⁶. Действия Англии не должны вызывать симпатий у учащихся как в силу её стремления замаскировать и скрыть их от поляков, осознавая, что они вызовут протест эмигрантского правительства и способны ослабить дух сражающихся солдат.

Однако другие учебники пытаются разъяснить действия союзников. Авторы их полага-

ют, что целый ряд обстоятельств препятствовал Англии оказать Польше реальную дипломатическую помощь, поскольку, по их мнению, Великобритания была самым слабым союзником, а Черчилль — прагматиком, отбросившим свои антикоммунистические взгляды.

Согласно польской версии вина за то, что на Тегеранской конференции американцы и англичане согласились признать Восточную Европу сферой влияния СССР (в который раз не сообщив об этом полякам), а на Ялтинской — отдали Польшу Советскому Союзу, не ложится на западных союзников. Ответственность несёт СССР, потому что в Тегеране был только предварительный план, а к моменту Ялтинской встречи на польских землях уже находились советские войска¹⁷. При определении же польско-немецкой границы союзники не захотели «усилить потенциального вассала Кремля за счёт Германии»¹⁸. В итоге Польша опять оказалась жертвой, принесённой ради общей цели — спасения мира от нацизма и коммунизма.

К У. Черчиллю авторы польских учебников испытывают особые симпатии. Так, указывается, что Чемберлен после нападения Германии на Польшу пытался пойти на переговоры с Гитлером при посредничестве Муссолини. Однако под натиском британского парламента, и особенно лидера оппозиции У. Черчилля, дело не дошло до очередного соглашения с немцами. Именно «Уинстон Черчилль убедил остальных союзников в том, чтобы начать действия на западе Европы с удара по самому слабому из государств Оси — Италии» в 1943 году¹⁹. Польские школьники должны также испытывать благодарность к британскому премьер-министру за то, что он убедил Сталина согласиться на переброску польской армии генерала Андерса на Ближний Восток²⁰.

Главная же заслуга У. Черчилля, по мнению авторов польских учебников, заключается в его последовательной борьбе с коммунизмом. Они также выражают сожаление, что ему не удалось добиться открытия второго фронта на Балканах для удара в «мягкое подбрюшье Европы», откуда американско-британские войска достигли бы Чехословакии, Польши и Германии и предотвратили советское вторжение (этот план британского премьер-министра был отвергнут на Тегеранской конференции, и он не смог противостоять расширению советской сферы влияния)²¹. Р. Шнегоцкий, автор учебника «История. Бурный XX век» в красках восхищает-

ся «салфеточной дипломатией» У. Черчилля, с помощью которой он спас часть Балкан от коммунизма. Речь идёт о встрече со Сталиным в Москве в октябре 1944 г., когда У. Черчилль предложил новый раздел сфер влияния, рисуя план на бумажной салфетке: СССР должен был иметь решающий голос в делах Румынии и Болгарии, относительно вопросов Югославии и Венгрии предлагалось сотрудничество с Великобританией на равных правах. В Греции же советское влияние ограничивалось. Этот договор, утверждённый Сталиным на салфетке, позволил Черчиллю выбить партизан-коммунистов из Греции²².

В меньшей степени материал польских пособий вызывает симпатии к лидеру американцев Ф. Рузвельту за его склонность к соглашению с СССР и неодобрение притязаний польского эмигрантского правительства на восточные земли Речи Посполитой. По мнению Р. Шнегоцкого, Рузвельт как джентльмен верил, что если удовлетворить запросы Сталина и ничего не попросить взамен, то они вместе будут бороться за демократию и всеобщий мир. Черчилля же Рузвельт считал «империалистом и политиком, мыслящим колониальными категориями», потому что его народ когда-то боролся с англичанами за независимость. Кроме того, трезвенника Рузвельта раздражало пристрастие Черчилля к алкоголю и сигарам²³. Однако к большому сожалению поляков именно Рузвельт, имевший гораздо больший военный потенциал, а не Черчилль, решал судьбу мира вместе со Сталиным. У Черчилля же не было никаких козырей, а эмигрантские правительства Польши, Югославии и Греции были для него скорее обузой.

Вместе с тем в польской учебной литературе признаётся и подчёркивается значимость действий США во Второй мировой войне. В частности, в хронологии событий помимо ключевой даты 1 сентября 1939 г. как наиболее важные выделяются также 22 июня и 7 декабря 1941 г. Считается, что именно японское нападение на Пёрл Харбор привело к тому, что война превратилась в мировую²⁴. Окончание Второй мировой войны в Европе, по современной версии, приходится на 8 мая 1945 г., поскольку 7 мая на квартире командующего американскими войсками генерала Д. Эйзенхауэра в Реймсе была подписана безоговорочная капитуляция немцев²⁵.

Нынешние учебные пособия не корят США за ядерные бомбардировки Японии, а находят объяснение правильности их действий.

В частности, доказывалось, что решительность и упорство Японии означали, что борьба с ней может продлиться несколько лет. Американцы ожидали, что их потери составят около 500 тыс. солдат. В этой ситуации власти США поначалу хотели склонить Японию к капитуляции химическим оружием. В этом случае одновременно могли погибнуть 5 млн японцев²⁶. Вместо этого «после многочисленных налётов и безрезультатных призывов к капитуляции»²⁷ они продемонстрировали, что обладают оружием невиданной силы поражения и в состоянии нанести противнику большие потери без ущерба для себя. Но и после атомного взрыва в Хиросиме японцы, как пишут польские учебники, не хотели капитулировать, что вынудило американцев сбросить бомбу и на Нагасаки. От двух атомных бомбардировок погибли более 200 тыс. человек²⁸ или (по версии других учебников) 150 тыс.²⁹, или 115 тыс.³⁰. Как полагает Р. Шнегоцкий, сравнимое количество людей погибало и в более ранних налётах, но в них участвовали тысячи самолётов³¹.

Вместе с тем в унисон с современной европейской тенденцией обвинять в жестокости обе стороны конфликта авторы польских учебников демонстрируют последствия массированных бомбардировок немецких городов, деревень, дорог и фабрик. Пишут об уничтожении Дрездена, в котором скопились тысячи беженцев, о гибели здесь гражданского населения (от 70 до 200 тыс. по разным источникам), о тактике «выжженной земли» при отступлениях³².

Друзьями Польши в учебниках истории представлены и их ближайшие соседи — восточноевропейцы. До конца 90-х гг. XX в. прослеживается преемственность с историографией и дидактикой времён народной Польши. С благодарностью упоминается о населении Румынии и Венгрии, которое гостеприимно приняло польских беженцев в 1939 г., предоставив им разнообразную помощь³³. Содействие полякам оказывали и правительства этих государств, несмотря на давление немцев. Отмечается и то, что после ликвидации Чехословакии в Польше приняли братьев-славян, из которых был сформирован Легион чехов и словаков под командованием Льва Прхала и полковника Людвиг Свободы. Им помогли также морем добраться до Франции и Швеции³⁴. В учебниках последних лет эти акты дружбы уже не упоминаются. Вместе с тем стремление подчеркнуть роль поляков в движении сопротивления побуждает авторов демонстрировать

солидарность с югославскими антифашистами, «которые всю войну боролись с хорватскими, итальянскими и немецкими войсками». При этом признаётся роль коммунистического партизанского движения, которое возглавлял И. Броз Тито: «Под конец войны силы партизан были настолько велики, что они практически самостоятельно освободили страну от итальянско-немецкой оккупации»³⁵.

Особенно близки полякам прибалтийские государства — якобы такие же жертвы советского коварства. Вместе с тем подчёркивается, что Словакия и Литва приняли участие в разделе Польши: Словакия как союзник Гитлера получила приграничные территории из немецкой сферы влияния, а Виленщину уступило Литве советское правительство в обмен на договор о помощи и создание военных баз на её территории³⁶. В итоге описываемые перипетии исторических событий доброжелательного отношения к литовцам у читателя не вызывают.

Главными врагами Польши в годы Второй мировой войны в польских учебниках истории представлены Германия и СССР. Если в учебной литературе до начала 1990-х гг. война ещё считалась борьбой всего прогрессивного человечества против «коричневой чумы», то современная концепция носит польскоцентричный характер и рассматривает её как военное столкновение двух противоположных агрессивных идеологий, как схватку фашизма с коммунизмом, в мясорубку которой попали Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы. Генеральной репетицией этой борьбы, своеобразной пробой сил была гражданская война в Испании³⁷. Новая программа для средней школы содержит раздел об обязательной сравнительной характеристике тоталитарных систем Германии и СССР³⁸.

Раскрывая сущность диктаторских режимов на примере Италии, Германии и СССР или ограничиваясь лишь двумя последними державами, учащиеся подводят к мысли, что внешняя экспансия являлась неизбежным следствием режимов и действий их руководителей: «Гитлер, убеждённый в силе своей армии и слабости соседей, готовил дальнейшие планы завоевания Европы. Подобное видение было у вождя Советского Союза — Иосифа Сталина, целью которого было установление революционным путём коммунистического строя в других государствах Европы. Сталин, подобно Гитлеру, готовил своё государство к войне,» — говорится в учебнике «Мы и история»

для 6-го класса³⁹. Иначе говоря, «агрессивные шаги тоталитарных государств — Германии, Италии и СССР — по отношению к более слабым государствам столкнули Европу в пропасть войны»⁴⁰.

Соответственно, авторы учебников расширяют и круг виновных в развязывании войны (по сравнению с более ранними подходами). Польские учебники не снимают ответственности с Германии, Японии и Италии, которые, прикрываясь антикоминтерновским пактом, хотели установить мировое господство⁴¹, но теперь помещают рядом и Советский Союз, участие которого в развязывании Второй мировой войны якобы затмило нападение на него Германии и бесспорные заслуги в окончательной победе над фашизмом⁴². На самом деле, как говорится в одном из текстов, сложности создавали и коммунистические руководители, с враждебностью относившиеся к внешнему миру. Они подталкивали Европу к войне: «Сталин планировал экспансию на новые земли, а облегчить её могла война между европейскими государствами»⁴³. Другое пособие раскрывает ещё более конкретные замыслы Сталина, который, «в сущности, стремился к установлению советской сферы влияния в Центральной Европе под предлогом предоставления совместных с западными державами «гарантий» балтийским государствам и согласия на проход Красной армии через территорию Польши в случае войны с немцами»⁴⁴. Такое объяснение как нельзя лучше оправдывает отказ Польши предоставить советской армии такую возможность. Как пишут авторы совместного польско-немецкого учебника, не было никакой уверенности, что после устранения угрозы безопасности Красная армия вернётся на восток⁴⁵. Не доверяя демократическим государствам, пишет А. Л. Шчесняк, Сталин искал контактов с Третьим рейхом. Войну, разумеется, начали немцы, но пакт Молотова–Риббентропа облегчил им её начало⁴⁶. А в дальнейшем Сталин способствовал агрессии Гитлера поставками сырья, в том числе нефти, о которых упоминают многие школьные учебники.

В подтверждение версии о двух основных зачинщиках войны дальнейшие успехи диктаторов рассматриваются параллельно. В частности, Гитлер вслед за Польшей занял Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию, и только Великобритании удалось отразить немецкую атаку и сохранить независимость. Сталин, по-

добно Германии, тоже приступил к завоеванию соседних стран: подчинил Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию, но не смог овладеть Финляндией⁴⁷. Мировая общественность осудила советскую агрессию в Финляндии, и СССР был исключён из Лиги Наций⁴⁸. Эти решительные действия признанной международной организации должны придать убедительность тезису о том, что Советский Союз является агрессором. В учебнике Я. Вендта события 1939–1940 гг. излагаются под заголовком «Гитлер и Сталин делят Европу», а захватнические мероприятия СССР располагаются на первом месте⁴⁹. В действиях Сталина некоторые авторы учебных пособий видят стремление к реваншу, собиранию земель, которые принадлежали раньше Российской империи. «Москва получила огромные территориальные приобретения, экспортируя впервые коммунистический строй за пределы своих границ на те территории, которые в 1918–1921 гг. не смогла приобрести,» — сообщает Р. Шнегоцкий⁵⁰.

Теорию равной ответственности подтверждает и интерпретация польскими учебниками генезиса немецко-советской войны. В частности, А. Л. Шчесняк утверждает: «В ноябре 1940 г. Гитлер предложил, чтобы СССР примкнул к антикоминтерновскому пакту и принял участие в разделе Британской империи. Сталин тотчас выразил на это согласие, но потребовал слишком много добычи. Он хотел дополнительно получить Финляндию, Румынию, Балканы вместе с проливами между Чёрным в Средиземным морями. На такие условия Гитлер категорически не согласился и решил расправиться с „лучшим“ союзником»⁵¹. Р. Шнегоцкий поясняет это тем, что Гитлер не мог допустить вхождения в советскую зону влияния районов, находящихся в непосредственной близости от Румынии — основного поставщика нефти. Что же касалось Сталина, то он, не получив согласия, начал сосредоточивать свои силы вдоль немецкой и румынской границ⁵². Польским школьникам стремятся внушить, что советское руководство только создавало видимость дружбы с Гитлером. На самом деле интенсивно готовило гигантское наступление на Запад, которое должно было начаться тогда, когда империалистические государства обескровят друг друга, а «рабочие массы», как и в конце Первой мировой войны, охватит революционное брожение. Тезис этот аргументируется тем, что к середине 1941 г. Красная армия насчитывала почти 9 млн солдат

и была вооружена почти исключительно наступательным оружием. Кроме того, как убеждают книги, с весны 1941 г. на западных границах СССР были ликвидированы все оборонительные линии (вместе со знаменитой линией Сталина), чтобы не затруднять наступления на запад больших армий⁵³.

Даже с лета 1941 г., как пишет польско-немецкий учебник, Кремль защищал не только свои территории и граждан, но и собственные великодержавные интересы, что стало особенно заметно в 1943 году⁵⁴. Стремление к захватам и расширению территории были присущи советскому врагу до конца войны. Я. Вендл, например, указывает, что через 2 дня после бомбардировки Хиросимы в войну вступили русские, рассчитывавшие на приобретение новых территорий⁵⁵.

Таким образом, полностью отвергается тезис о том, что со стороны фашистских государств эта война была захватнической, а для тех, чья территория оккупирована, — освободительной и справедливой⁵⁶. СССР однозначно причисляется к агрессорам, а следовательно, и к противникам Польши.

Как вытекает из анализа учебного материала, действия главных врагов — СССР и Германии — в отношении поляков были весьма схожи. Почти все польские учебники построены на сравнении действий оккупантов в 1939–1941 гг., а пособия для младших классов рассматривают их политику как единое целое. В частности, считается, что как русские, так и немцы вели беспощадную борьбу с польскостью (меняли названия городов и улиц, делали свой язык государственным, закрывали польские школы, библиотеки и музеи, уничтожали польские памятники и костёлы), грабили и вывозили польское национальное имущество, в том числе произведения искусства (только часть из них удалось вернуть после войны), эксплуатировали население, проводили акции по выселению, массовые экзекуции, вывозили людей на тяжёлые принудительные работы в глубь своих стран, стремились физически уничтожить польскую управленческую и интеллектуальную элиту, обрекли людей на трудные условия повседневной жизни (отсутствовало много основных продуктов, а остальные регламентировались, вводился комендантский час)⁵⁷. Нарушая нормы международного права, они национализировали и конфисковывали имущество⁵⁸. Ученика подводят к мысли о невосполнимости потерь: в результате массовых реквизиций по-

ляки потеряли наследие нескольких поколений⁵⁹. Распространённым аргументом в пользу единства политики главных врагов в учебной литературе Польши является успешное сотрудничество Германии и Советского Союза в 1939–1941 гг. В частности, проведение конференций гестапо и НКВД, на которых уточнялись совместные действия в борьбе с польским подпольем, поставки Советским Союзом сырья Германии, в том числе нефти, и пр.⁶⁰.

На общем негативном фоне оценки советско-германских действий выделяется учебник М. Шиманьского «Моя история», который не стремится проводить параллелей и не называет СССР оккупантом, а его политику оккупационной. Разделы в его книге называются «Жизнь под гитлеровской оккупацией» и «Поляки в Советском Союзе»⁶¹. А Р. Шнегоцкий, в отличие от других авторов, подчёркивает отсутствие антипольской ноты в политике Сталина, который не собирался ни убивать всех поляков, ни русифицировать их. Целью советского вождя, по мнению этого автора, была лишь скорейшая советизация польского общества и навязывание ему коммунистической идеологии⁶².

Однако независимо от мотивации, как внушается учащимся, оккупанты нарушали основные нормы морали и права: «Во время занятия польских территорий Советы убивали взятых в плен польских офицеров, солдат КОП [*корпус охраны пограничья*]. — Прим. авт.), а часто и гражданских лиц, признанных «классовыми врагами». Насильственно отбирали собственность у землевладельцев, а часть из них лишили жизни на месте». Подчёркивается, что «награбленное государственное и личное имущество вывезли в СССР»⁶³. Тем самым Советский Союз изображается мародёром и грабителем.

Польские учебники представляют коммунизм как зло не меньшее, чем нацизм. В совместном польско-немецком учебнике приводится мнение главы Великобритании о включении СССР в антигитлеровскую коалицию. По его словам, это был союз с дьяволом против другого дьявола⁶⁴. Только один стремился, как пытаются показать авторы учебников, освободить Европу от «жидокоммуны», а другой — советизировать ее⁶⁵.

К общим чертам образов Германии и СССР и олицетворяющих их лидеров (Сталина и Гитлера), по представлению учебной литературы, можно отнести агрессивность, коварство и жестокость. Вместе с тем заметна разница в их об-

лике и поведении: Германия выглядит врагом более открытым и потому понятным. Целенаправленность её действий по реализации расовой теории хотя и была ужасна, но ясна: поляки как народ должны были исчезнуть. Немцы, в отличие от советских оккупантов, как свидетельствует Р. Шнегочкий, совершали убийства в общественных местах, а имена казнённых и расстрелянных вывешивали на информационных щитах, на стенах⁶⁶.

СССР же, как учат в польской школе, был врагом маскирующимся, непонятым и потому более опасным. Повествовательный рассказ повсеместно обнажает лживость и лицемерие советского руководства. Так, защита белорусского и украинского населения была только предлогом для вторжения Красной армии в сентябре 1939 г. На самом же деле руководство СССР в соответствии с тайным протоколом пакта Молотова–Риббентропа намеревалось захватить польские земли до рек Нарев, Висла и Сан⁶⁷. Генерал Владислав Лангнер, командующий обороной Львова, атакованного немцами и Красной армией, поддался «славянам», поверив в советские гарантии уважения прав военнопленных⁶⁸. После капитуляции Советы, обещавшие пропустить сдавшихся защитников Львова в Венгрию, заключили их в лагеря для военнопленных⁶⁹.

«Заметь методы действия большевиков, — обращается к ученику А. Л. Шчешняк. — В сентябре 1939 г. они заняли Вильно, „великодушно“ передали его Литве, представив этот факт всему миру как „акт исторической справедливости“. А через несколько месяцев забрали всю Литву вместе с Вильно»⁷⁰. Подчёркиваются надуманные поводы для начала войны СССР с Финляндией, присоединения Прибалтики, фальсификация «выборов» на территориях, подлежащих советизации, молчание о расстреле офицеров, фальшивые лозунги ПКНО⁷¹ в 1944 г. и пр. Согласно польской версии слова расходились с действиями у советского руководства и в отношении формирования армии генерала Владислава Андерса в СССР в 1941–1942 гг.⁷².

При этом в сознание подрастающего поколения поляков внедряется мысль, что Советский Союз — главный враг польской государственности. Так, в учебниках последних 20 лет неизменно подчёркивается, будто Германия в сентябре 1939 г. предлагала сохранить небольшое буферное вассальное польское государство (20 млн человек), поскольку Гитлер полагал, что этот акт

облегчит заключение мира с Великобританией и Францией. Однако Сталин, опасаясь сближения Германии с западными державами, данное предложение отверг⁷³. Кроме того, СССР, в отличие от Германии, унижал Польшу, её руководство и народ, пытаясь незаслуженно очернить их в глазах международного общественного мнения. Наибольшее возмущение должно вызывать у учащихся выступление В. Молотова, который назвал польское государство «уродливым детищем Версальского трактата»⁷⁴ и публично выразил радость по поводу разгрома этого государства советской и немецкой армиями. В учебниках начала 1990-х гг. говорилось, что после 1956 г. СССР резко осудил подобные выводы⁷⁵. Но в современных пособиях упоминание об этом уже отсутствует.

Советский Союз в польской учебной литературе выглядит как государство, которое для достижения политической цели не жалело жизни людей, и прежде всего поляков, не представлявших для него никакой ценности. Утверждение, что «Советы без колебания жертвовали силами своих союзников», подкрепляется количеством жертв под Ленино в Белоруссии. Учебники формируют особенно негативный образ СССР, описывая трагедию варшавского восстания летом 1944 г.: «В то время как на улицах Варшавы боролись и гибли плохо вооружённые повстанцы, на другом берегу Вислы по приказу Сталина было остановлено советское наступление. Правительство СССР не дало также согласия на посадку и дозаправку топливом самолётов союзников, доставлявших повстанцам оружие и провиант»⁷⁶. Особый цинизм советского руководства, по мнению авторов учебников, проявился в обвинении польских подпольщиков в сотрудничестве с немцами⁷⁷.

Пантеон наиболее значимых фигур советских государственных деятелей и военных, который представлен в польских учебниках, за исключением руководивших операциями по освобождению Польши маршалов Г. Жукова и К. Рокоссовского, включает персональных врагов польского народа, которых следует помнить многим поколениям. Среди них С. Тимошенко и М. Ковалёв, командовавшие фронтами в сентябре 1939 г.; С. Кривошеин, принимавший парад в Бресте 23 сентября 1939 г.; руководивший депортациями поляков генерал аппарата госбезопасности И. Серов; глава НКВД Л. Берия; премьер-министр и министр иностранных дел В. Молотов, подписавший договор о разделе

Польши и прославившийся антипольскими выступлениями, а также олицетворение советского режима — Иосиф Сталин.

В то же время СССР в польской учебной литературе выступает как сильное государство, один из важнейших участников антигитлеровской коалиции⁷⁸, что показывает бессмысленность борьбы и оправдывает неудачи сопротивления ему со стороны поляков. Победы же Советского союза, к сожалению авторов учебников, ещё больше усиливали международное значение СССР и его роль в антигитлеровской коалиции⁷⁹.

Таким образом, анализ содержания и методы изложения событий в польских учебниках истории, несмотря на вариативность субъективных предпочтений их авторов, позволяют воссоздать целостную картину польской интерпретации истории Второй мировой войны. Ей присуща достаточно чёткая оценка действий в отношении Польши отдельных государств — участников глобального противостояния. Поскольку определяющими в конструировании представлений молодого поколения о войне являются национально-территориальные интересы польского народа, то Польша в романтической национальной версии истории Второй

мировой войны предстаёт в образе храброго одиноко сражающегося рыцаря, окружённого ненадёжными союзниками и жестокими врагами. Симпатии к Англии, Франции и США, которые отнесены к лагерю друзей, и их лидерам формируются дифференцированно, в зависимости от степени поддержки ими польских территориально-государственных требований, выдвинутых эмигрантским правительством в годы войны. Раскрывая роль отдельных западных стран в международной политике тех лет, авторы учебников формируют перспективную установку на определённую зависимость от них Польши. Отталкиваясь от довоенных и послевоенных реалий, польские учебники представляют в качестве двух главных врагов Польши в 1939–1945 гг. Германию и СССР, несмотря на то, что они воевали друг против друга. При этом заметно стремление внедрить в историческое сознание польских школьников образ СССР как врага более опасного, чем Германия. Описание коварства советского руководства, маскировки, демагогии, методов советизации и уничтожения польскости формирует у школьников отрицательное отношение к коммунистической идеологии и недоверие к России как преемнице СССР.

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира : пер. с фр. М. : Высшая школа, 1992. С. 8.

² Традиционно в польских учебниках приводятся таблицы количества погибших в годы войны из расчёта на 1 тыс. жителей разных стран. Для Польши этот показатель составляет 173 человека (Wendt J. Przez wieki. Podręcznik do historii dla klasy trzeciej gimnazjum. Gdańsk : Rożak, 2005. S. 155) или 22 0 человек (Siergiejczyk T. Dzieje najnowsze. 1939–1945. Podręcznik dla szkół średnich klasy IV liceum ogólnokształcącego oraz dla klasy III technikum i liceum zawodowego. Wydanie drugie. Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1988. S. 236). В случае если количество жертв СССР определяется в 20 млн человек, то по людским потерям Польша выходит на первое место среди стран, участвовавших во Второй мировой войне.

³ Szcześniak A. L. Historia. Polska i świat naszego wieku. Podręcznik dla klasy ósmej. Warszawa : Bellona, 1997. S. 161.

⁴ Chachaj J. Historia. Czasy najnowsze. Podręcznik dla III klasy gimnazjum. Warszawa : Demart, 2004. S. 99.

⁵ Pankowicz A. Historia. Polska i świat współczesny. Wydanie pierwsze. Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. S. 12.

⁶ Śniegocki R. Historia. Burzliwy wiek XX. Podręcznik dla III klasy liceum ogólnokształcącego, liceum profilowanego i technikum. Kształcenie w zakresie podstawowym i rozszerzonym. Warszawa : Nowa Era, 2004. S. 140.

⁷ Chachaj J. Op. cit. S. 105.

⁸ Surdyk-Fertch W., Olszewska B. My i historia. Historia i społeczeństwo dla VI klasy szkoły podstawowej. Wydanie pierwsze. Warszawa : Demart, 2004. S. 130.

⁹ Wendt J. Wendt J. Przez wieki. Podręcznik do historii dla klasy trzeciej gimnazjum. Gdańsk : Rożak, 2005. S. 124.

¹⁰ Chachaj J. Op. cit. S. 105.

¹¹ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 186.

¹² Ibid. S. 186.

¹³ Śniegocki R. Op. cit. S. 140, 151.

¹⁴ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Zrozumieć historię — kształtować przyszłość. Stosunki polsko-niemieckie w latach 1933–1949. Materiały pomocnicze do nauczania historii / pod. red. K. Hartman. Wrocław-Drezno, 2007. S. 150.

- ¹⁵ Ibid. S. 152.
- ¹⁶ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Zrozumieć historię — kształtować przyszłość. Stosunki polsko-niemieckie w latach 1933–1949. Materiały pomocnicze do nauczania historii / pod. red K. Hartman. Wrocław-Drezno, 2007. Ibid. S. 150–153.
- ¹⁷ Chachaj J. Op. cit. S. 131.
- ¹⁸ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Op. cit. S. 153.
- ¹⁹ Wendt J. Op. cit. S. 150.
- ²⁰ Ibid. S. 161.
- ²¹ Śniegocki R. Op. cit. S. 163.
- ²² Ibid. S. 67.
- ²³ Śniegocki R. Op. cit. S. 162–163.
- ²⁴ Burda B., Halczak B., Józefiak R. M., Szymczak M. Historia najnowsza. Historia 3. Zakres podstawowy. Podręcznik dla liceum ogólnokształcącego, liceum profilowanego i technikum. Gdynia : Operon, 2007. S. 150.
- ²⁵ Ibid. S. 146; Śniegocki R. Op. cit. S. 168; Surdyk-Fertch W., Olszewska B. Op. cit. S. 125.
- ²⁶ Śniegocki R. Op. cit. S. 168.
- ²⁷ Wendt J. Op. cit. S. 154.
- ²⁸ Chachaj J. Op. cit. S. 111.
- ²⁹ Śniegocki R. Op. cit. S. 168.
- ³⁰ Wendt J. Op. cit. S. 154.
- ³¹ Śniegocki R. Op. cit. S. 168.
- ³² Chachaj J. Op. cit. S. 115, 117.
- ³³ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 181.
- ³⁴ Ibid. S. 165.
- ³⁵ Wendt J. Op. cit. S. 137.
- ³⁶ Śniegocki R. Op. cit. S. 173.
- ³⁷ URL: http://www.szkolnictwo.pl/test,4,3285,1,W_przededniu_wojny.
- ³⁸ Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 23 grudnia 2008 r. w sprawie podstawy programowej wychowania przedszkolnego oraz kształcenia ogólnego w poszczególnych typach szkół // Dziennik Ustaw. 2009. №4. Poz. 17.
- ³⁹ Surdyk-Fertch W., Olszewska B. Op. cit. S. 123.
- ⁴⁰ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 169.
- ⁴¹ URL: http://www.szkolnictwo.pl/test,4,3285,1,W_przededniu_wojny.
- ⁴² Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. S. 59.
- ⁴³ Chachaj J. Historia. S. 98.
- ⁴⁴ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 168.
- ⁴⁵ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Op. cit. S. 57.
- ⁴⁶ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 168–169.
- ⁴⁷ Surdyk-Fertch W., Olszewska B. Op. cit. S. 124.
- ⁴⁸ Śniegocki R. Op. cit. S. 151; Szcześniak A. L. Op. cit. S. 192.
- ⁴⁹ Wendt J. Op. cit. S. 130–131.
- ⁵⁰ Śniegocki R. Op. cit. S. 152.
- ⁵¹ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 200.
- ⁵² Śniegocki R. Op. cit. S. 152.
- ⁵³ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 201.
- ⁵⁴ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Op. cit. S. 59–60.
- ⁵⁵ Wendt J. Op. cit. S. 155.
- ⁵⁶ Siergiejczyk T. Op. cit. S. 5.
- ⁵⁷ Surdyk-Fertch W., Olszewska B. Op. cit. S. 131, 133; Chachaj J. Op. cit. S. 124.
- ⁵⁸ Śniegocki R. Op. cit. S. 173
- ⁵⁹ Wendt J. Op. cit. S. 167.

- ⁶⁰ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 186, 200; Śniegocki R. Op. cit. S. 150; Wendt J. Op. cit. S. 128.
- ⁶¹ Szymański M. *Moja historia. Podręcznik do historii i społeczeństwa dla klasy szóstej szkoły podstawowej. Cz. 2.* Warszawa : Nowa Era, 2007. S. 78–79.
- ⁶² Śniegocki R. Op. cit. S. 175.
- ⁶³ Wendt J. Op. cit. S. 166.
- ⁶⁴ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Op. cit. S. 59.
- ⁶⁵ Wipszycka E., Manikowska H., Manikowski A., Mędrzecki W. *Historia. Historia dla każdego. Podręcznik. Tom 2: Do współczesności. Zkoly ponadgimnazjalne. Zakres podstawowy.* Warszawa : Wydawnictwo Szkolne PWN, 2002. S. 58.
- ⁶⁶ Śniegocki R. Op. cit. S. 178–179.
- ⁶⁷ Wendt J. Op. cit. S. 127.
- ⁶⁸ Śniegocki R. Op. cit. S. 139.
- ⁶⁹ Wendt J. Op. cit. S. 128.
- ⁷⁰ Szcześniak A. L. Op. cit. S. 191.
- ⁷¹ ПКНО — Польский комитет национального освобождения. Был создан 21 июля 1944 г. как временное правительство Польши после вступления советских войск на её территорию.
- ⁷² Wendt J. Op. cit. S. 160.
- ⁷³ Siergiejczyk T. Op. cit. S. 29; Szcześniak A. L. Op. cit. S. 186; Śniegocki R. Op. cit. S. 173.
- ⁷⁴ Хотя первым так отозвался о соседней Чехословакии польский маршал Юзеф Пилсудский, назвав её «искусственным и уродливым детищем Версаля» (прим. ред.).
- ⁷⁵ Siergiejczyk T. Op. cit. S. 37.
- ⁷⁶ Wendt J. Op. cit. S. 183, 189.
- ⁷⁷ Ruchniewicz M., Ruchniewicz K., Weger T., Wóycicki K. Op. cit. S. 152; Wipszycka E., Manikowska H., Manikowski A., Mędrzecki W. Op. cit. S. 206.
- ⁷⁸ Wipszycka E., Manikowska H., Manikowski A., Mędrzecki W. Op. cit. S. 60.
- ⁷⁹ Chachaj J. Op. cit. S. 130.